

<http://www.aif-kaz.kz/>

31 октября 2017

Национальный банк: откровенный диалог



Газета продолжает разговор. Куда плывёт финансовый Казахстан? Что впереди: штиль или шторм?

Наша газета опубликовала два выступления председателя национального банка Данияра Акишева. (№ 38 «с точки зрения председателя» и № 42 «Финансовая кардиограмма: Что? Где? О чём?»). В них главный банкир страны подробно рассказал о финансовой ситуации в Казахстане. Поделится своими мыслями о кредитной системе. Высказал свою точку зрения по поводу криптовалюты. К сожалению, рамки двух материалов оказались тесными для этой темы. Мы получили десятки откликов на эти выступления. Читатели просили нас продолжить диалог с руководителем Нацбанка. Выполняем их просьбу и публикуем завершающий текст. Вот что думает Данияр Талгатович...

...О сомнительных кредитах и устойчивости банков

- Неправильно выбранная кредитная стратегия ведёт к ослаблению финансовой устойчивости банка, и с этим как бы никто не спорит. К примеру, мы говорим: «Уважаемые банкиры! У вас должна быть более высокая надзорная надбавка, нежели сейчас. Вы должны увеличить свой капитал, так как ваша политика в сфере кредитования вызывает определённые вопросы». Раньше мы обращали внимание на ряд сопутствующих показателей, в частности на налоговую политику. Сегодня на первый план выходит капитал банка. Да, любой банк призван финансировать какие-то проекты, и в первую очередь отечественный бизнес, но также он

обязан - как говорят финансисты - создавать «провизию». То есть резервы. Но чем больше финансовых провизий создаёт банк, тем быстрее он сокращает свой капитал для основной деятельности. То есть кредитования бизнеса и выплат вкладчикам. При этом руководители финансового учреждения не должны забывать о финансовой устойчивости. И здесь я хотел бы особо отметить роль регуляторов. С чем мы столкнулись? Вот выдан обычный, стандартный, казалось бы, кредит заёмщику. Залоговое обеспечение покрывает лишь 2% стоимости кредита. Согласитесь, весьма подозрительно. Тем более что заёмщик не обладает финансовой устойчивостью. В ответ на наши недоумённые вопросы банк № 1 нам заявляет: «Кредит только что выдан. Поэтому провизию я не создаю». По закону всё правильно. Но! Вскоре мы узнаём, что кредит выдан компании, которая прямо не аффилирована с банком, но имеет признаки экономических отношений с другим банком № 2, который использовал эти деньги для увеличения своего капитала. По сути, один банк кредитует другой, тем самым повышает его капитал, ослабляя свою собственную устойчивость. Что, согласитесь, выглядит весьма подозрительно. На самом деле мы видим, что банк, используя лазейки в законодательстве и нормативной среде, проводит неправильные и, если говорить откровенно, рискованные операции. В этих условиях Нацбанк говорит: «Ваша надзорная надбавка должна быть выше. Сегодняшняя ситуация опасна для ваших вкладчиков». Нам могут возразить: а как определить размер этой самой надбавки? Нет ли здесь места для субъективности? Я хочу сказать, что сотрудники Национального банка должны быть примером высокой порядочности и кристальной честности. Другого рецепта, каких-то сдержек и противовесов просто не существует. Общество доверяет главному банку страны. И если доверяет, то высказывается так: «В Национальном банке работают настоящие профессионалы. Регуляторные суждения объективны. Это тот компромисс, та тенденция, которая присутствует в мире. Другого способа преодолеть этот скрытый конфликт нет. Возможно, потом, в перспективе, эту тему можно обсудить. С одной стороны в дискуссии примет участие регулятор в лице Национального банка. С другой - поднадзорный субъект в лице того или иного банка второго уровня. И прийти к какому-то компромиссному решению. Но говорить о том, что сотрудники Нацбанка некомпетентны, было бы слишком смелым допущением. А такие суждения мы порой слышим и от так называемых независимых экспертов, и читаем в средствах массовой информации. Да, банк может нам сказать: «Мы ничего не нарушили. Мы отчитываемся по двум регуляторам. Всё остальное не ваше дело. Я рискую своими деньгами». Нет, это деньги государства, деньги вкладчиков. Поэтому Нацбанк вправе занимать ответственную и жёсткую позицию. Мы обязаны следить за тем, чтобы банки работали предельно корректно. Такова наша позиция.

...О «плохих» активах и государственной поддержке

- Мне уже приходилось говорить о том, что обменный курс тенге по отношению к доллару рефлектирует на состояние экономики. Это в принципе нормальный индикатор, хотя в какой-то мере он субъективен. Есть банки, менеджеры которых понимают эту ситуацию. И проводят взвешенную и ответственную политику. А есть «игроки», которые эту политику не проводят либо проводят не в должной степени. И получили определённые риски. В какой-то момент акционеры вынуждены вливать в банк определённые суммы. Естественный процесс, когда акционеры капитализируют свои финансовые институты, чтобы в дальнейшем эти деньги «отбить». Если бы речь шла о небольших деньгах, мы бы не поднимали вопрос государственной поддержки банков. Но, к сожалению, на рынке произошли серьёзные финансовые изменения, и не в лучшую сторону. Это значительное ослабление тенге и замедление темпов роста экономики. То есть радикально меняется финансовая среда всей страны. У банков, которые контролируют значительный сектор, появились серьёзные проблемы. Решить их усилиями акционеров и менеджмента Нацбанка невозможно. Но и устраниваться от решения этого вопроса нельзя. Банкротство банка ударит по интересам вкладчиков и подорвёт доверие к банковской системе в целом. Поэтому мы обращаемся за помощью к правительству и получаем её. Давайте вспомним ситуацию, сложившуюся в Казкоммерцбанке. Весь прошлый год банк переживал тяжёлые времена. Когда я стал председателем Нацбанка, то передо мной возникли две острые проблемы. Окончательно перейти к плавающему курсу тенге и разобраться с ситуацией в Казкоме. Весь прошлый год и практически весь этот мы выработывали решение, которое бы устроило всех. Нездоровая ситуация в Казкоме отрицательно влияла на всю финансовую систему страны. И я рад, что мы эту проблему решили. Халык банк выкупил контрольный пакет акций ККБ и рассчитался с его долгами. Пришлось привлекать средства Национального фонда и Национального банка. Многие после этой сделки вздохнули с облегчением. Теперь и в Казкоме, и в Халык банке нормальный менеджмент. Это теперь нормальные финансовые институты. У Казкома теперь нет подводных камней, которые тянут его на дно. Ситуация в других банках во многом похожа на те коллизии, которые переживал Казком. Но они меньше по объёму. И соответственно, таких сложных схем рассматривать не имеет смысла. Там нужен капитал, чтобы списать «плохие» активы. Если не хватит денег акционеров, то мы выделим необходимые средства, но на возвратной основе. По сути дела, это будут кредиты. Этот кредит войдёт в капитал проблемного банка. Акционеры банка будут обязаны на каждые 2 тенге госзайма положить 1 тенге личных средств. Мы даём время, чтобы банк стал здоровым. Чтобы он мог списать «плохие» кредиты. При этом его капитал не должен быть ниже нормативных значений. Для чего это нужно? И общество, и государственные органы заинтересованы в том, чтобы началось кредитование. Если капитал позволяет, банк может брать на себя риски. Банк, у которого с капиталом проблемы либо в перспективе маячит его недостаточность, не может брать на себя кредитные риски. Это всё равно, что

больному человеку сказать: «Ты должен пробежать стометровку». Нет, прежде всего человека надо вылечить. Я хочу сказать: банковский сектор страны надо оздоровить, а затем уже ставить перед ним новые задачи. Мы разработали программу. Она довольно капиталоемкая, реализуется за счёт средств Национального банка. Это примерно 500 миллиардов тенге. Но окончательная цифра зависит от конкретных предложений, которые нам представят банки. Здесь есть один важный нюанс. Если банк не сможет избавиться от «плохих» активов и не сможет провести докапитализацию, то Национальный банк становится акционером проблемного банка второго уровня и в перспективе может выставить его на торги. Или просто продать другому инвестору, который возьмёт на себя обязательства по возрождению банка. Так что для акционеров и хозяев банка есть стимул двигаться по той модели, которую они с нами согласуют.

...О тенге, рубле, долларе

- Объёмы торгов на бирже по рублю незначительные. Если курс рубля меняется, это результат изменений во внешнеэкономических отношениях. Вся страна чувствует: спрос на российский рубль возрос. Потому что доля Российской Федерации в общей структуре импорта выросла. Одновременно наблюдается такая картина: требуется больше валюты на покупку рублей. Как вы понимаете, далеко не все банки в России готовы продавать рубли за тенге. Вот почему мы наблюдаем движение по всей цепочке «тенге-доллар-рубль». Сегодняшний курс означает, что баланс между тремя валютами сложился. Испытывает ли население проблемы при покупке иностранной валюты? Не думаю. Прежде всего скажу, что основной объём валютных операций принадлежит юридическим лицам. Это компании, которые обслуживают экспортно-импортные сделки. Это в несколько раз больше, чем объём операций, которые совершают наши граждане с продажей и покупкой валюты. Правда, так было не всегда. Скажем, в 2014-2015 годах через обменные пункты казахстанцы приобрели около 15 миллиардов долларов. Эти покупки не могли не давить на валютный рынок. В 2016 и в 2017 годах интерес к заокеанской валюте заметно снизился. Надо отметить, что разговоры о «дедолларизации» ведутся постоянно - как в нашей стране, так и в соседней. Исторически сложилось так, что в России население выказывало доллару гораздо меньше почтения, нежели жители Казахстана. В России, к примеру, количество долларовых депозитов никогда не превышало 20%. У нас эта цифра в 2 раза выше. Но по юридическим лицам у нас цифры сопоставимы. У нас 43% компаний имеют валютные счета, в России - 40%. В России рубль - основное средство платежа, накопления и меры стоимости. В Казахстане курс был долгое время фиксированным. Когда мы сделали его «плавающим», поплыло и доверие к национальной валюте. Я думаю, постепенно ситуация выправится. Правительство делает для этого определённые шаги. К примеру, запрещены ценники в у.е. Говорят: это наивно. Но из таких «кирпичиков» и складывается наша жизнь. Большое

начинается с малого. С физическими лицами понятно. В магазине, ресторане, в аптеке и в театре доллары не принимают. Для юридических лиц мы должны создавать такие условия, при которых расчёты в тенге им были выгодны. А все контракты заключались именно в тенге. При этом программы по «дедолларизации», административному ограничению покупок иностранной валюты не предусматривается. Некоторые идеи у нас имеются. Но в плане создания удобств для населения, а не новых препятствий.

...О ценах на нефть и «плавающем» курсе национальной валюты

- У многих возникает вопрос: почему растут цены на нефть, а доллар всё равно ползёт вверх? Ведь валютная выручка увеличивается. Как и увеличивается добыча нефти на Кашагане. Всё дело в том, что в Казахстане либеральная экономика. И она не предусматривает обязательную продажу валютной выручки на внутреннем рынке. Компания имеет право держать свою выручку за границей. Поэтому мы видим, что в момент девальвационных ожиданий экспортёры свою выручку придерживают. Валютная либерализация - это благо, которое мы предоставили отечественному и иностранному бизнесу. В Казахстане работают 25 компаний, которые получают 75% всей валютной выручки. В основном это горно-металлургический и нефтедобывающий сектора. В 2013 году они продали на рынке 40 миллиардов долларов. А в 2016 году только 10. Очевидно, у них упали доходы, поскольку снизились цены на их продукцию. Но очевидно и то, что какую-то часть выручки они просто не вернули в страну. Это нормально. Каждая компания - хозяйствующий субъект. Она «заряжена» на максимальное извлечение прибыли. Поэтому у нас идёт рост добычи нефти, растёт стоимость, однако на валютном рынке это никак не отражается. С этим надо разбираться. Здесь должны сказать своё слово налоговые органы, ведь этот вопрос связан с финансовой и платёжной дисциплиной. У нас есть такие странные контракты. Деньги ушли за рубеж, но импортные товары не поступили. Либо отправлены товары по экспорту, а денег за них тоже не наблюдается. Таких контактов по итогам двух лет, по разным оценкам, - от 4 до 8 миллиардов долларов. Наверное, можно вспомнить о статье 32 в Законе о валютном регулировании. В случае угрозы экономической безопасности страны и невозможности использования других инструментов денежно-кредитной и валютной политики страна может запретить вывоз валюты. И тогда бизнесмены должны будут продавать её на внутреннем рынке. Такое ограничение должно вводиться сроком на 1 год. Да, в начале девяностых годов существовала обязательная продажа выручки на внутреннем рынке. Такие правила сохраняются в некоторых странах, в частности в Беларуси и Украине. В Казахстане этого нет давным-давно. Если мы уйдём от валютной либерализации, пострадает инвестиционный климат. Если обязать предпринимателя продавать определённый процент выручки, то велик риск того, что он её будет искусственно занижать. Для этого есть десятки абсолютно законных способов. Но мы даём бизнесу и простым

гражданам экономическую свободу. Любой гражданин нашей страны может открыть счёт за рубежом. Как и любая компания может вести внешнеэкономическую деятельность. Вот почему ужесточение режима валютного регулирования в смысле обязательной продажи всей прибыли или части её внутри страны ни к чему хорошему не приведёт. Другой вопрос: выручка должна возвращаться в страну. Есть такие хитромудрые товарищи, которые говорят: «Мне переведут деньги за товар, когда я отгружу 100 процентов товара. Таково условие контракта». Но у него всегда 99 или 99,99 процента. А потому деньги в Казахстан не поступают. И такое продолжается по нескольку лет. Денег страна не видит. Надо разбираться с такими «мудрецами», это будет правильно. Так что вовсе необязательно принимать административные меры по обязательной продаже валюты. Здесь важны совместные усилия органа государственных доходов и Национального банка. Мы в этом направлении активно работаем. Изучаем опыт России. У них там создана единая база данных по валютному, таможенному и налоговому контролю. Такие контракты, которые регулярно выполняются на 99%, попадают в разряд подозрительных. По ним ведётся расследование. Потому что идёт элементарный вывод денег. И всё-таки я считаю, что следует стремиться к созданию среды и правильного административного регулирования. Прямые запреты могут лишь навредить делу. Почему тенге продолжает слабеть? Летом сошлись в одной точке несколько неблагоприятных факторов. Эта тенденция продолжается до сих пор. И несмотря на рост цен на нефть, спрос на валюту опережал предложение. В августе мы вынуждены были вмешиваться, продавать валюту. Возможно, благоприятные последствия от продажи нефти просто наступят чуть позже. И тот, кто купил валюту по высокой цене, проиграет. Отучить наши предприятия и простых граждан от «игр» с валютным курсом можно только через потери. Когда степень потерь достигнет высокой концентрации, ситуация изменится сама собой. Я не приемлю разговоров о том, что наша страна на 100 процентов зависит от импорта и от валютной выручки. Обратимся к цифрам. По статистике только 25% ВВП занимает импорт. И это сопоставимо с аналогичными показателями других стран, это далеко не худший показатель в мире. Да, есть рынки, где импорта много. Но также есть рынки, где он представлен незначительно. В целом же мы наблюдаем сбалансированную картину. Полный переход на тенге займёт ещё немало времени. Но другого пути нет. Не так давно я встречался с главой пенсионного фонда Новой Зеландии. Он был заместителем председателя Национального банка своей страны в девяностые годы. Тогда они перешли от фиксированного курса новозеландского доллара к свободному. В те времена страна сильно зависела от импорта из Австралии и Китая. У них ушло 15 лет на то, чтобы привыкнуть к свободному курсу национальной валюты. Зато сейчас Новая Зеландия демонстрирует значительный прогресс в производстве своих товаров, особенно в аграрном секторе. Мы же перешли на «плавающий» курс всего два года назад. Видимо, потребуется время, чтобы ощутить его преимущества.

...О блок-чейне и криптовалюте

- Пока нет единой позиции у руководителей государства - как в России, так и в Казахстане. На этом рынке присутствуют понятия, которые до конца не исследованы. Люди не понимают природу многих терминов, но пытаются ими оперировать. Одно дело - криптовалюта, другое - система распределённого реестра блок-чейн. Она используется как один из элементов этой криптовалюты. Общество однозначно определилось с тем, что блок-чейн - это здорово, это прогресс. Но по криптовалюте такой уверенности нет. И сегодня сделать однозначный вывод, сказать «да» или «нет» я не могу. Наша позиция однозначно уязвима. Но я сделаю вывод, когда буду обладать достоверной информацией по этому вопросу - на 100%. Такой доказательной базы пока нет. Сейчас мы работаем с депутатским запросом по этой теме. В парламенте тоже нет единства. Одни призывают запретить, другие разрешить и регулировать. Жизнь покажет.

...О золоте

- Вывоз добываемого золота из страны запрещён. Есть оговорка - можно вывезти, если откажется приобрести Национальный банк. Мы не отказываемся. Покупаем его по рыночной цене. Тем самым избавляем золотопромышленников от транспортных и таможенных хлопот. В республике создана аффинажная кампания, которая перерабатывает всё добытое золото, мы у неё выкупаем ценный металл. Это ликвидный товар, он служит резервом устойчивости страны, её финансовой и валютной системы.

Записал Юрий КИРИНИЦИЯНОВ

Коллаж Ашота ВАРДАНЬЯНА